

Режиссер спектакля «Развалины» Кирилл Вытоптов о повседневной жестокости жизни, которая может довести до людоедства.

— Ваши лучшие дипломные спектакли поставлены по Пушкину и Гоголю. Дебют на профессиональной сцене — "Сережа" в театре "Современник" — по рассказам Чехова. С чего вас потянуло на псевдоисторическую тенденциозную пьесу Клавдиева, решающего на примере Ленинградской блокады, можно ли есть людей, если очень хочется?

— Меня не этот спор в ней заинтересовал, а нюансы человеческого поведения в экстремальной ситуации.

— Где вы там нюансы нашли? Только многословная попытка беженки, занявшей с вывезенными из-под оккупации детьми опустевшую ленинградскую квартиру, доказать коренному петербургскому профессору, что голод не тетка. Хочешь выжить — ешь мертвецов...

— Когда сейчас про блокаду говорят, то, оказывается, чуть ли не у всех родственники там кого-то поели. В Питере, в Музее блокады, увидел клочок бумаги, вырванный откуда-то, исписанный аккуратным рыжим почерком десятилетнего мальчика. Короткие абзацы про каждый день в декабре: "Сварили кошку, ели 4 дня. Папа уже не встает, а мама ходит. Папа готов людей есть, а мама сопротивляется". Просто так, обыденно написано. А потом: "Папа умер".

— Как находить такие детали, чтобы в театре они не в лоб лепили, а исподволь раскрывали что-то сами собой?..

— Впрочем, в спектакле мы стараемся избегать этой якобы историчности: абстрактный город, абстрактная ситуация. Мне хотелось уйти от того, что люди в экстремальной ситуации друг друга чему-то учат. Зачем героине — Развалиной — сбивать с панталыку какого-то профессора? Общаясь с ним, она обращается к детям, пытается их спасти, им передать свою жизненную мудрость. И в первую очередь не своим. Они уже приняли ее веру и не изменятся. Самое интересное происходит с маленькой Аней — профессорской дочкой. Она воспитана на ценностях отца, но и понимает, почему так поступает Развалина. Мне интересен человек, который оказался между одним и другим. Такой тип: и нашим, и вашим. Ведь это же именно тот человек, который дал жизнь следующим поколениям. Нам. И мы же живем дальше.

А еще наша история — про энергию завоевания. Люди, пришедшие извне, более энергичные. Те же, кому место принадлежит, вроде и крепко стоят на своих позициях, но физических усилий, чтобы их отстоять, предпринять не могут. И сдают позиции. Я сам — человек маргинальный, из такой глухомани, что страшно подумать. Понимаю, чтобы что-то состоялось, я должен приложить какие-то усилия. И могу через что-то переступить, идти на жертвы. Но вместе с тем я хорошо понимаю и ценю людей, которые этого не могут. Так что мои "Развалины" — еще и личная история.

— То есть вы про себя ставите, а не про судьбы Родины?

— Не очень верю, что театр может в жизни что-либо изменить. Просто самому в себе надо покопаться. У нас нет, наверное, политического театра. Но можно делать театр активный, остросоциальный. Мол, надо людей перевернуть, перенаправить, научить, глаза открыть. Я не такой режиссер. Все мои попытки высказаться о сегодняшнем дне, угадать время... лажа одна. Для меня существуют человеческие отношения: сегодняшние и те, что помню из детства, семейные перипетии. Вот сквозь эти частности, если их точно поймать и выразить, начинает проглядывать, просвечивать нечто общее. Когда ты делаешь театр про себя, тогда к нему смогут и другие люди подключиться.

— Но "театр про себя" требует особой доверительной близости с актерами. Такой, как у вас с вашими сокурсниками в мастерской Олега Кудряшова сложилась. А актерская группа у вас была очень яркая. Сейчас вы стали режиссером театра "Современник". И там, похоже, у вас своя компания складывается. Почему вы в ЦДР затеяли спектакль с совсем новой командой?

— Я сам из Казахстана. Во мне кочевническая кровь дает о себе знать. Мне нравится окунуться в новое, с новыми актерами поработать. Жадность есть какая-то. К своим тебе еще в институте подсказаны ходы. Но хочется пробовать находить такие ходы к актерам самому. Я вот приезжаю в какой-то новый для себя город, первый раз вижу актеров, и мне хочется в них покопаться, отгадать их природу. Мне нравится учиться их понимать. Со своими же мы еще обязательно встретимся. Я верю, если будет нужно, все придет.

Я сейчас работаю в "Современнике", впервые репетирую спектакль на большой сцене. Но мне нравится и такая маленькая история: мы собираемся в ЦДР по-партизански. Главную роль в "Развалинах" у меня, между прочим, играет Ирина Денисова, с которой мы давно знакомы: в одном театре в Челябинске работали. Тонкая, острохарактерная — замечательная актриса. Она умеет пойти с режиссером до конца. На роль профессора она привела своего друга из театра "Сатирикон" — Андрея Оганяна. Детей играют ребята с курса Хейфеца, который сейчас на выпуске. Они очень достойно с этим справляются. У них четвертый курс сейчас, три дипломных спектакля одновременно выпускаются, кто-то уже снимается. Появляются у меня на репетиции на полтора часа раз в два дня. Но видно, что им и мне это надо. Круто.

Елена Груева